

ГЛАВА 8
**ГРОЗА ВРАГОВ РУССКОГО НАРОДА.
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖЕДЕНОВ**
(ок. 1861 – 1933)

Николай Николаевич Жеденов¹ – чиновник, талантливый публицист, педагог, много потрудившийся на ниве национального просвещения русского народа, издатель, активный деятель правомонархического движения.

К сожалению, до сих пор неизвестна точная дата рождения Н. Н. Жеденова. В библиографическом словаре «Деятели революционного движения в России» сказано, однако, что он родился около 1861 года.

Потомственный дворянин Мокшанского уезда Пензенской губернии, пензенский помещик, сын отставного подполковника, Н. Н. Жеденов принадлежал к старинному дворянскому роду, который был внесен в VI часть родословной книги Курской губернии.

В словаре «Деятели революционного движения России» содержится информация о том, что в молодости Жеденов участвовал в революционном (народническом) движении. Согласно этому словарю, в начале 1880-х гг., будучи студентом Московского университета, Жеденов за участие в студенческих беспорядках, происходивших в апреле 1881 года, был исключен из университета на один год. Затем Жеденов уехал

¹ В некоторых источниках встречается другой вариант написания фамилии «Жеденов» – «Жеденев» (См., напр.: Ответ [Н. Н.] Маркова 2-го на статью Жеденева в «Русском Знамени». СПб., 1910).

в имение отца в Пензенскую губернию. В августе 1881 года он поступил в Казанский университет. Осенью 1881 года, вследствие полученных Московским жандармским управлением негласным путем сведений о «преступной» переписке Жеденова со своим товарищем, студентом Московского университета Н. К. Цветаевым, Николай Николаевич был подвергнут в Казани обыску. У него нашли письма, изобличающие обоих в политической неблагонадежности и взаимной пересылке прокламаций.

Жеденов был арестован 27 ноября 1881 года и привлечен к дознанию при Московском жандармском управлении по «делу» Н. К. Цветаева. По Высочайшему повелению от 5 мая 1882 года Жеденов был подвергнут тюремному заключению на шесть месяцев, считая срок со дня его ареста, с последующим подчинением гласному надзору на три года. С 27 мая 1882 г. Жеденов был подчинен гласному надзору в Казани. По сведениям Казанского жандармского управления от июля 1882 года, Жеденов продолжал знакомства с политически неблагонадежными лицами.

Жеденова заподозрили в числе многих других в распространении народофильских прокламаций и газет, рассылавшихся из Казани по почте на адрес разных лиц в период с 11 ноября 1881 по 19 августа 1882 года; но, так как при сличении его почерка с почерком адресов на конвертах, в которых рассылались эти прокламации, сходства обнаружено не было, то к дознанию по этому делу он привлечен не был. В начале 1884 года Жеденов состоял под гласным надзором в г. Цивильске Казанской губернии. По Высочайшему повелению от 22 марта 1884 г. Жеденов был освобожден от гласного надзора, а 8 мая 1884 г. он переехал на постоянное жительство в Казань, где был подчинен негласному надзору¹.

¹ Деятели революционного движения России. Библиографический словарь. Т. III. *Восьмидесятые годы*. Вып. 2. Г–З. Сост. Р. М. Канторов, П. Г. Любимировым, А. А. Шиловым и Е. Н. Кушевой. [М.], 1934. С. 1396–1397. В словаре имеется ссылка на соответствующие источники: Справка (Н. Н. Жеденев). – МЮ. 1882, № 9129; 1882, № 9432. – ДП. III. 1883. № 1335; 1884. № 433. – Обзор II. 60, 39. – Список поднадзорных (Ук.). Участники народофильско-

Однако к концу 1880-х годов Жеденов, как и другой более известный правый политический деятель, Л. А. Тихомиров, полностью порвал со своим революционным прошлым. В 1890-е годы он служил земским начальником в Камышинском уезде Саратовской губернии, внедрял различные новшества в своем хозяйстве. В частности, он создавал сельские пожарные команды, устраивал ясли для крестьянских детей.

Также он профессионально занимался вопросами социальной адаптации беспризорников и сирот. Жеденов являлся, по сути дела, разработчиком проекта создания детских «приютов самопомощи». Талантливый писатель и публицист написал ряд книг и брошюр с целью «дать движение к развитию сельскохозяйственных приютов». Он считал, что «найти способ к возможно дешевому содержанию детей составляет нравственную обязанность каждого гражданина» и что данное намерение можно достойно осуществить путем «повсеместного учреждения сельскохозяйственно-кустарных приютов самопомощи, дающих возможность содержать детей без малейшей на текущее содержание их траты со стороны государства и населения», причем «нуждающиеся в призрении дети будут все избавлены от нищеты и пороков».

Поскольку педагогические идеи Жеденова во многом превосходили последующие направления в развитии отечественной педагогической мысли, в том числе известную «теорию коллективного воспитания» А. С. Макаренко, познакомимся с ними поближе. Кроме того, даже самое поверхностное ознакомление с педагогическими идеями Н. Н. Жеденова полностью опровергает созданный врагами русского народа миф о «человеконенавистнической» сущности черносотенцев, об их «отсталости», «грубости» и «мракобесии». Напротив, Николай Николаевич вводил в систему воспитания и образования самые передовые по тому времени идеи и

го движения. Сб. «Народовольцы». III. 297. О Жеденеве-черносотенце ср. Адрес-календарь (1890-е гг.). – Венгеров С. [А.] Список. – Падение царского режима. Т. VI. М.–Л., 1926. С. 193; Т. VII. М.–Л., 1927. С. 339. – Поссе В. [А.] Мой жизненный путь (Ук.).

далеко не всегда в этой связи встречал одобрение со стороны власть предержащих.

Строй жизни в приютах, по утверждению Н. Н. Жеденова, должен зиждиться на следующих основных принципах:

- 1) Сельское начало;
- 2) Крестьянская простота жизни;
- 3) Усовершенствованная техника.

Кроме того, должны неизменно соблюдаться следующие правила:

- 1) Приюты должны быть вне зависимости от рынка, потребляя только то, что производится им самостоятельно;
- 2) Обработка сырых продуктов хозяйства приютов должна совершаться их же собственными силами¹.

По мысли Жеденова, грамотность и ремесла в приютах должны являться лишь дополнением к основному занятию – сельскому хозяйству. Приюты являлись как бы образцовыми фермами и должны были, по мнению публициста, кроме всего прочего, обучать крестьян землестроению.

Жеденов не без основания считал, что существовавшие в то время «филантропические учреждения» требовали весьма солидных финансовых расходов как на их первоначальное существование, так и на постоянное содержание. Публицист особо отмечал, что «призреваемые принимаются за совершенно беспомощных и труд их на пользу тех учреждений, которые содержат их, эксплуатируется в самых ничтожных размерах в виде исполнения в мастерских заказов, дающих сравнительно малый доход». Соответственно, приютам требуются деньги в виде различных пожертвований. Жеденов предложил организовать в приютах систему общественных работ для детей всех возрастов. По его мнению, из хозяйственных работ наиболее важные для девочек – приготовление пищи, стирка белья и полов, доение коров, уход за малолетними детьми до четырехлетнего возраста, за телятами, ягнятами, птицей и стрижка овец, обработка конопли, льна и шерсти; прядение из кудели и

---

¹ Жеденов Н. Н. Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи. История их, устройство и жизнь. СПб., 1896. С. 133.

шерсти ниток (достаточно легкая, чисто механическая работа). Конечно, при этом в приютах должно быть достаточное количество современных прялок и ткацких станков. Для мальчиков полезны чистка хлебов и двора, рубка дров и уход за взрослым скотом, изготовление кож и валенной обуви, полушубков, свитков, щепных изделий в виде чашек, ложек, колес; осуществление плотничьих и столярных работ, починка мелких принадлежностей хозяйства, а также исполнение самых необходимых кузнечно-слесарных работ. Кроме того, мальчики являются прекрасными пастухами. Таким образом, каждый воспитанник должен обучаться соответствующим ремеслам, «утилизируя все сырые продукты приютского хозяйства»¹.

По мнению Жеденова, «вся жизнь приюта должна быть проста и приурочена к обычной земледельческой жизни: в приюте должны быть введены обычные крестьянские кушанья, носиться крестьянское же платье и обувь, и только с поднятием культуры сельского хозяйства приюта последний имеет право улучшить обстановку своей жизни». С другой стороны, «чего же он не может достичь собственными силами, то и не должно числиться в обычном обиходе приюта». Иначе, по словам Жеденова, самостоятельное его существование окажется немислимым. Вообще, заключает публицист, «приют должен вести свою жизнь по возможности без посторонней помощи»².

¹ Жеденов Н. Н. Общественное призрение в связи с вопросом о сельскохозяйственном и кустарном образовании. Саратов, 1894. С. 12. Следуя этому правилу, Жеденов также выпустил несколько брошюр, посвященных правильному ведению сельского хозяйства: Дети работники: Рассказ. СПб., 1896; Он же. Краткие сведения по огородничеству: Пособие для земледельческих приютов и сельских школ. СПб., 1898; Он же. Огурцы, как они растут и как их сажать: Пособие для земледельческих приютов и сельских школ. СПб., 1898 и др. Кроме того, он же издал ряд работ, посвященных разным сторонам сельской жизни и благотворительности: Жеденов Н. Н. Крестьянские деловые и частные бумаги: 32 формы. СПб., 1897; Он же. Сельские пожарные команды: Руководство к организации их без особых денежных затрат / [Соч.] Н. Жеденова. СПб., 1896; Он же. Кому и как помогать? / [Соч.] Н. Н. Жеденова. СПб., 1898; Он же. Сельскохозяйственные приюты самопомощи для детей воинов-земледельцев. М., 1904 и др.

² Жеденов Н. Н. Общественное призрение в связи с вопросом о сельскохозяйственном и кустарном образовании. С. 13.

Среди всего прочего, в кустарно-ремесленном деле приют должен преследовать цель приспособления воспитанника к той среде, в которой ему придется жить. Приюты-школы должны исполнять не только свое образовательное назначение, но воспитательное, и последнее еще в большей степени. Занятые трудом, избавленные от влияния развращающих пороков взрослых, воспитанники приютов станут, по мысли Жеденова, мощным противовесом деятельности разрушительных элементов и принесут прогрессивные веяния в инертную народную массу. Практика создания и работы волостных сельскохозяйственных приютов в Камышинском уезде Саратовской губернии (Тарасовского, Красноярского, Лопуховского и Бурлукского) показала, что их деятельность была встречена с большим одобрением; они были премированы и даже взяты за образец в некоторых учреждениях. Жеденов надеялся, что, после всеобщего признания, «Россия быстро покроется десятками тысяч подобных школ-приютов, и беспризорные дети, сотнями тысяч голосов по необъятной нашей родине тшечно взывающие теперь к общественной помощи, найдут, наконец, себе убежище, а дело народного сельскохозяйственного образования сделает громадный шаг вперед»¹.

Также коснемся вопроса, связанного с историей возникновения и развития первых сельскохозяйственных приютов в 1890-е годы. Первые детские приюты стали появляться в странах Западной Европы (в Голландии, Франции, Швейцарии), а затем и в России еще в конце XVIII – начале XIX столетия. Однако их повсеместное распространение в нашей стране имело место после печальных событий, связанных с голодом в Поволжье в начале 1890-х годов, когда количество беспризорных детей резко увеличилось. В 1891 году начал действовать Благотворительный комитет, работавший под председательством Наследника Цесаревича Николая Александровича (будущего Императора Николая II). Тогда же в Саратове было открыто его губернское отделение, а от по-

¹ Жеденов Н. Н. Общественное призрение в связи с вопросом о сельскохозяйственном и кустарном образовании. С. 24.

следнего чуть позже возникли участковые и волостные отделения. Крестьянские общины (сельские общества) часто на своих сходах принимали решение об учреждении приютов для детей, которые содержались за счет общины. Типичный пример – создание в Саратовской губернии, в слободе Тарасова сельскохозяйственного приюта самопомощи.

Постройка одноэтажных зданий в этом учреждении осуществлялась из так называемого самана (земляного кирпича), который совершенно безопасен в пожарном отношении. К тому же постройки из такого материала дешевле и теплее, чем из дерева. Крыши зданий крылись железом. Приют был разделен на мужскую и женскую половины. Кроме того, жилое здание приюта включало в себя коридор, кухню, помещение смотрителей, залу, канцелярию, общую мастерскую, чулан, сени, мужской и женский лазареты. Каждый приют располагал большим двором, гумном и конопляниками. Поля, значившиеся за приютами, расширялись из года в год и располагались на территории отдельными участками, полосами и чередовались с крестьянскими деревенскими полями.

Мебель в учреждении использовалась только самая необходимая, в виде столов в мастерской и в классной комнате, шкафов для книг, коек, которые поднимались у изголовья на петлях к стене, а к ней они, в свою очередь, пристегивались маленькими крючками.

В основу материального существования приюта были положены так называемые общественные запашки. Воспитанники осуществляли систематический уход за огородами. При этом мальчики пахали землю, девочки сгребали сено. Уже осенью 1893 года на Саратовской областной выставке ее комитет наградил Тарасовский приют большой серебряной медалью «за идею самостоятельного существования» и похвальным листом за огородные овощи. К весне 1894 года три существовавших к тому времени приюта (кроме Бурлукского) помещались уже в собственных зданиях. Они тотчас же приступили к расширению своего хозяйства. Воспитанники активно участвовали в сенокосе. При сельскохозяйственных работах начали активно

использовать машины-сеялки работы г-на Эрта, позже – жнейки, четырехконные молотилки с керосиновым двигателем для молотбы хлеба. Примерно в это же время начали активно использоваться двухколесные плуги Воронежского Товарищества «Столь и К^о», № 5. Для сенокосения применялись сенокосилки Вуда и конные грабли.

Борьба с засухой осуществлялась путем искусственного орошения. Активно применялись щиты для задерживания снега. С 1895 года начали внедрять пчеловодство в Красноярском и Тарасовском приютах. Кроме того, в Красноярском приюте сажали яблони, ягодные кусты, однако засуха помешала успеху в этом начинании. Состав и количество рабочего скота находились в прямой зависимости от качества и количества лугов. Еще через год работы все три приюта имели от 50 до 70 десятин земли в запашке, а летом подняли пар, засеяли рожью; осенью же приготовили под яр на 1896 год то количество земли, которое каждым из них было установлено сообразно ее качеству. Сев культур осуществлялся и руками, и рядовой сеялкой. На сенокосение и на вязку снопов отправляли и «женский элемент».

В сочинении Жеденова «Детские сельскохозяйственные приюты самопомощи» подробно расписан распорядок дня воспитанников. Главный принцип работы приютов – распределение работ по половому признаку, когда каждый воспитанник получает конкретное задание. Дети поднимались с рассветом, а зимою – «с огнем». Сразу же мальчики направлялись на чистку хлебов, кормление скота, заготовку дров; девочки кормили кур, доили коров, готовили завтрак. Пища в приютах готовилась в зависимости от народности воспитанников. В великорусских приютах – Лопуховском и Бурлукском – варили щи, кашу с салом и постным маслом, употребляли вареное мясо, пили кислое молоко, ели пшеник, сальник с кашею и ливером, свекольник, студень и другие традиционные великорусские блюда. В малорусских же заведениях – Тарасовском и Красноярском – галушки, борщ, вареники, кабанье сало и также каша, мясо и прочее. На завтрак готовилось одно блюдо, на

обед и ужин по два; по праздникам завтрака не было, но зато пекли пироги с разной начинкой – с мясом, капустой, творогом, горохом, кашей, морковью, а иногда и ягодами.

Сразу после завтрака осуществлялись ремесленные работы до обеда. Если день был уже достаточно долгим, то около четырех-пяти часов полдничали: закусывали хлебом с молоком или огурцом, кашей, капустой. После полдника снова давали скоту корм. И, когда девушки заканчивали дойку коров, садились за грамоту. Затем ужинали и общею молитвою заканчивали день. Мальчики давали скоту корм на ночь и ложились спать, а девушки пряли до первых петухов, напевая песни. Руководство приютов постепенно обеспечило воспитанников прялками с колесами (самопрялками) вместо старых ручных прялок. Ночью старшие мальчики вставали один раз и осматривали скот. Летом обучение грамоте и ремеслам отсутствовало. В это время приютам было не до них – разве только случится какая-нибудь починка. Спали, как уже отмечалось, в разных комнатах – по половому признаку. В поле ночевали в холщовых палатках, подстилая войлочные полости.

Одежда изготовлялась в приютах согласно местным обычаям. С наступлением летнего времени дети ходили босиком. Для работ на поле выдавались сандалии или так называемые опорки вроде туфель. Каждую субботу обязательно топилась баня. Топка печей производилась дровами или кирпичом (кирпич из навоза)¹.

Особое внимание в книгах и брошюрах Н. Н. Жеденова уделено вопросу, связанному с финансовым обеспечением приютов. По его мнению, приюты должны существовать самостоятельно, практически без субсидирования со стороны кого бы то ни было, и вести самостоятельную хозяйственную жизнь. Вместе с тем публицист считал, что заказы на изделия, выполненные воспитанниками, отнюдь не должны быть принимаемы в этих заведениях, так как на заказах можно прогадать и в ценах, и в продолжительности работ. Таким

---

¹ Жеденов Н. Н. Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи... С. 70–71.

образом, данное обстоятельство может стать бременем для приютов. Можно, конечно, с точки зрения Н. Н. Жеденова, изготавливать изделия и на продажу – но только не на определенного покупателя.

Обучение грамоте воспитанников приютов осуществлялись с окончанием полевых работ (с 1 ноября) до их начала (по 1 марта). Мальчики и девочки обучались чтению, письму и рисованию. Кроме того, их обучали молитве в классных комнатах. Изучение арифметики, решение задач на счисление и «умственных задач» осуществлялось в приютах за нешумною работою, тесным кружком. При этом мальчики участвовали в шитье обуви, резали ложки, девочки вязали и шили. Учитель задавал вопросы, поправлял ошибки, объяснял трудные задачи. По словам Жеденова, детям нравилась такая система обучения. Посредством этой методики они отвлекались от шалостей и беспечных забав, увлекались обучением. От воодушевленности и радости при достижении положительных результатов в учебе у них начинали блестеть глаза. По праздникам в обязательном порядке воспитанники по очереди читали по главе из Священной истории, после чего законоучитель или священник задавал им вопросы на закрепление пройденного материала. Кроме того, в минуты отдыха осуществлялось чтение небольших светских рассказов в течение часа, после чего велась оживленная беседа.

При приютах создавались для воспитанников библиотеки. Хотя перед учреждениями остро стояла проблема нехватки книг, тем не менее в их распоряжении находилась хорошая подборка церковной и богословской литературы, а также специальной литературы по агрономии (сочинения Е. Г. Аверкиевой о свекле, огурцах, капусте и т.д.), сборники рассказов из жизни крестьян.

Помимо теоретического обучения воспитанники под руководством смотрителей осуществляли практические опыты. Так, к примеру, в период осени–зимы 1894 года в Красноярском и Тарасовском приютах ежедневно осуществлялись трехкратные наблюдения за температурой воздуха, измерения

атмосферного давления с помощью барометра, определение направления и скорости ветра¹.

Коснемся вопроса, связанного с воспитанием детей в приютах самопомощи. Главный принцип, который был положен в основу работы приютов, – это семейная форма воспитания. Жизнь приютов текла в религиозно-нравственном духе. Обязательной была общая молитва, в которой участвовали все дети; начиная с шести лет каждый знал обычные молитвы. По праздникам воспитанники совместно посещали церковь, при этом хорошо поющих ставили на левый клирос. Обращение зрителей с детьми предполагалось «совершенно отеческое»; дети же именовали друг друга не иначе как братьями и сестрами. Кроме того, общая совместная работа накрепко спаивала воедино детский коллектив. Каждая девушка старше десяти лет избирала себе сестру или брата, воспитывала их (до шести лет) на женской половине. При этом малышей они именовали сынками или дочками, мыли их, чесали, стирали им белье. Те, естественно, крепко привязывались к ним, плакали при расставании, кидались при встрече на руки и т.д. Крепкими поцелуями обменивались дети между собою после долгой разлуки, ежели таковая случалась².

Детям изначально внушалось, что все, находящееся в приюте, составляет их собственность, а не чью-либо другую. Если требовалась починка плуга, то покупка для этого специального материала совершалась на их собственные средства, так как для уплаты денег необходимо продать хлеб, добытый таким тяжелым, их же трудом; следовательно, всем становилось очевидно, что необходимо бережно относиться к имуществу.

Кухней и кладовой заведовали девушки. Они рассчитывали количество необходимых продуктов для приготовления пищи. Мелкое воровство (а эта проблема первоначально остро стояла) постепенно сошло на нет, так как сами дети поняли, что малейший утаенный кусок хлеба отнят соответственно у

---

¹ Жеденов Н. Н. Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи... С. 84.

² Там же. С. 87, 90.

всех. Каждый такой случай неизменно выставлялся на всеобщее обсуждение и порицался.

Основные меры наказания – постановка провинившегося в угол для младших ребят, а для старших – смещение с главной работы на второстепенную. Телесное наказание (расправа за вихор, дранье ушей и пр., широко практиковавшиеся в крестьянской среде того времени) строжайше запрещалось.

Среди популярных развлечений следует в первую очередь отметить охоту, рыболовство, посещение родственников в деревнях и селах, пение великорусских и малорусских песен, пляски, хороводы, организация оркестров из рожков, свирелок, гармоники, треугольника, балалайки, флажолета, окарин, бубнов, тарелок, скрипки. Смотрители специально обучали воспитанников этим искусствам. По зимним вечерам на женскую половину приходили бабы и девушки со своими гребнями и прялками на посиделки. Они пряли и пели песни до первых, а то и до вторых петухов.

Буквально через два-три года после создания первых приютов произошли первые выпуски. В шестнадцать лет девушки фактически становились потенциальными невестами, а мальчики в семнадцать лет – женихами. Начинали заезжать в приюты сваты, там же вскоре состоялись первые свадьбы. Организовывались нарядные свадебные поезда. Юноши-выпускники, в отличие от своих сверстников, не употребляли спиртных напитков и, кроме того, являлись хорошими добросовестными работниками. В связи с этим они выгодно отличались от деревенских парней. Свадьбы в приютах становились всеобщими праздниками, в которых принимали деятельное участие все воспитанники. Мало того, каждый год, в день открытия приютов, организовывались так называемые годовые акты, на которые стекалось население со всей окружающей местности. В большой зале вешались портреты Государя и Императрицы; на мероприятии присутствовали смотрители приютов и старшина, семь священников и диакон. Торжественное собрание начиналось с молитвы и водосвятия. Кроме того, следовало исполнение гимнов и па-

триотических песен (хоровым пением), таких как «Славься! Славься!», «Многая лета» Государю Императору, Императрице, Наследникам Цесаревичам, народных великорусских и малорусских песен. Непреклонно исповедовался принцип всецелой любви к Царю земному (члены совета приюта постоянно напоминали об этом)¹.

Как правило, выпускники приютов производили на народ значительное положительное впечатление. Бывшие питомцы приютов поддерживали с ними постоянные сношения. Они смотрели на приют как на родительский дом.

Кроме того, приюты познакомили крестьян с невиданными дотоле растениями – редисом, двухпудовую тыквою, гаоляном, прекрасной свеклою, различными сортами огурцов, капусты. Вскоре после появления приютов крестьяне в деревнях и селах также начали систематически высаживать редис, овладели приемами травосеяния и организации искусственного орошения полей.

Управление приютами самопомощи осуществлялось следующим образом. Обучением и воспитанием детей в приютах занимался смотритель. В качестве смотрителей подбирались люди умные, добрые, честные, старательные, стоящие на более высоком, нежели средний крестьянский, уровне развития. По социальному положению они являлись, как правило, выходцами либо из разночинцев, либо из крестьян. Предпочтение отдавалось лицам старше двадцати пяти – тридцати лет, то есть уже достаточно опытным; к тому же людям ровного характера, не употребляющим спиртное. Приюты, по словам Жеденова, не могли обеспечить смотрителей жалованием большим, чем триста рублей в год, однако в то же время ставили их на готовое содержание. Смотритель вел специальные книги: кассовую на расходование денег (форма 6), амбарную на запись зерна (форма 7), продовольственную на запись обыденного расходования продуктов (форма 8), овощную (форма 9), книгу животных (форма 10), книгу материалов для обуви и одежды (форма

---

¹ Жеденов Н. Н. Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи... С. 123.

11), книгу одежды и обуви (форма 12), книгу упряжи и другого инвентаря (форма 13), книгу кормовых продуктов (форма 14)¹. Для преподавания ремесел смотрители приглашали местных мастеров за плату размером в две, три, четыре копейки в час. Они утверждались в должности с одобрения двух членов совета, избираемых для заведения приютом.

Советы приютов, являвшиеся высшими органами управления, состояли из крестьян, священников, фельдшеров, учителей и других лиц, желавших работать на пользу сирот. Жеденов в своей книге приводит состав одного из таких советов: старшина, председатель суда, шесть сельских старост, четыре священника, волостной писарь, участковый врач, фельдшер и учитель местной земской школы. Общее наблюдение за приютами входило в компетенцию земского начальника, который иногда председательствовал на заседаниях.

Жеденов в своей книге ознакомил читателей и с документами, касающимися деятельности приютов. Так, в приложении к книге «Детские сельскохозяйственные приюты самопомощи» он привел текст устава Тарасовского (Красноярского, Лопуховского и Бурлукского) волостного сельскохозяйственного приюта из 57 пунктов; таблицы, содержащие финансовую отчетность приютов, образцы ведения кассовых, амбарных, кормовых и прочих книг, схематический план приюта, план полей Лопуховского детского сельскохозяйственного приюта².

Итак, первая половина 1890-х годов ознаменовалась созданием и развитием, согласно идеям и предложениям Жеденова, детских приютов самопомощи в Саратовской губернии. Вскоре произошел значительный прорыв в организации приютов по всей России. 13 ноября 1895 года последовало Высочайшее повеление об учреждении Ольгинского работного дома для нищенствующих детей, в разрабатываемое положение о котором были внесены такие пункты, как семейное начало, простота жизни и сельскохозяйственно-ремесленные

¹ Жеденов Н. Н. Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи... С. 146.

² Там же. С. 183–212.

занятия при наличии усовершенствованной техники, «составляющие, при религиозно-нравственном воспитании, характерные отличия приютов самопомощи». С этого момента подобные приюты стали учреждаться по всей необъятной России один за другим.

Вместе с тем организация приютов самопомощи вызвала ожесточенную критику со стороны части либерально настроенной интеллигенции, которая, как правило, считала этот проект утопическим. Кроме того, в числе недовольных деятельностью приютов оказались кулаки и руководство крестьянских общин, так как они лишились возможности использовать дешевый детский труд, ибо после организации приютов спрос на детские рабочие руки резко повысился и, соответственно, повысилась и цена на них. Началась критика интеллигенцией деятельности Жеденова в литературе и в периодической печати. Ее аргументы сводились буквально к следующему: «Бегают же собаки по улицам и кормятся; почему же так же не кормиться и сиротам? Если дети подчас и голодают, а девушки пропадают в различных притонах, то это вполне естественно – на то они и сироты»¹.

Известный публицист Д. А. Линева (Далин) оставил нам воспоминания о деятельности Жеденова на педагогическом поприще, содержащие традиционную для либерально настроенной интеллигенции критику: «Я видел хорошего человека <Н. Н. Жеденова. – Д. С.> и несколько часов подряд слушал его хорошие речи. Он говорил о деревенских сиротах, о необходимости призреть их, образовать и воспитать, говорил, что из них следует приготовить пионеров в деле распространения в деревне сельскохозяйственных знаний, и больше всего горячо убеждал, что все это не только должно сделать, но и можно... *без гроша денег* <Здесь и далее – курсив автора. – Д. С.> <...> Это было в вольно-экономическом обществе. За длинным столом, за которым могли бы поместиться сорок, пятьдесят человек, сидело всего человек десять членов этого почтенного учреждения. Две дамы, один офицер, один студент и два

¹ Там же. С. 106.

журналиста составляли “публику”. Именно перед этой очень уж небольшой аудиторией и говорил хороший человек. Он говорил, имея перед собой целую кипу тетрадей и записок, говорил лихорадочно, то и дело перебежал от одной тетради к другой, и, очевидно, тщетно старался быть кратким. Он явился в вольно-экономическое общество из Саратовской губернии, явился с результатом своих многолетних дум и однолетнего практического опыта, явился с верой и надеждой...»¹.

Мнение Д. А. Линева (Далина) категорично: для борьбы со злом нужны деньги, и только деньги. Мало того, «хороший человек», говоря «почти исключительно о деревенских сиротах», тем самым, по мнению Линева, «значительно ослабил значение своего доклада», ибо, считает он, «сироты – только часть целого, того целого, которое представляет собою бесприютное и беспризорное детство вообще». И далее автор развивает свою точку зрения относительно вопроса, связанного с возможностью функционирования детских приютов: «А между тем, г. Жеденов (фамилия филантропа) несомненно добрый человек, человек искренно преданный делу помощи и образованию деревенских детишек, во всяком случае, немало для них поработавший в Камышинском уезде. Он только <...> смешал немного фантазию с действительностью, взвел нечто *случайное, непрочное* в общее правило, в фундаментальное. <...> Дети, хотя бы и деревенские дети, от одного до пятнадцати-шестнадцати лет, слишком плохие кормильцы и поильцы. Что бы ни говорил г. Жеденов, а этих детей, раз они почему-либо лишены естественного попечительства – родительского, должно содержать и воспитывать общество. *И незачем истощать их неокрепшие физические организмы в попытках преждевременного превращения их в работников.* Эти попытки, да еще возведенные в *общее правило*, – прямо таки нехорошие, *вредные попытки*»².

Рассуждая теоретически, как будто трудно не согласиться с довольно убедительными доводами Д. А. Линева (Далина).

¹ Линева Д. А. (Далин). Не сказки. СПб., 1895. С. 86–87.

² Там же. С. 88, 95–96.

Однако, принимая во внимание факты недостаточного финансирования со стороны государства системы образования, в том числе и в наши дни, нельзя не признать опыт организации приютов самопомощи в Саратовской губернии положительным.

Автору сих строк самому довелось несколько лет поработать учителем истории в одной из школ-интернатов Петербурга и познакомиться с проблемой функционирования подобных заведений не понаслышке. Даже при вполне неплохом финансовом обеспечении школы и при наличии богатых спонсоров, тем не менее перед педагогами встает острая проблема воспитания детей и приобщения их к труду. Детей в сегодняшней школе просто необходимо занять чем-то полезным, чтобы они не были предоставлены самим себе, то есть фактически улице. Иначе подрастающее поколение рискует существенно пополнить ряды преступников, наркоманов, алкоголиков и прочих асоциальных общностей. Это прекрасно понимали и классики советской педагогики – например, всем нам хорошо известный А. С. Макаренко, который, по сути дела, через тридцать лет после Жеденова развил многие его идеи и разработал принцип коллективного трудового воспитания, во многом перекликающийся с предложениями Жеденова. Однако, конечно, духовные, идеологические основы их трудов разительно отличались друг от друга.

В наше же время, время небывалого падения нравственности в обществе, именно обращение подрастающего поколения к истокам, к корням русского народа, к Православию становится задачей особой важности, и как раз разработки Жеденова в этой области могут, по нашему мнению, сыграть огромную положительную роль.

Вернемся к рассмотрению его биографии. Следует отметить, что отношения Жеденова с коллегами по перу складывались далеко не просто. Это во многом объяснялось тем, что педагог и публицист обладал вспыльчивым и неуравновешенным характером. 20 марта 1896 года он вызвал известного публициста М. О. Меньшикова на дуэль в связи с оскорблениями, нанесенными ему в «Неделе» В. П. Гайдебурова (Меньшиков в

тот день замещал редактора). Однако Меньшиков отказался решать вопрос столь «варварским» способом. Поэтому Жеденов в порыве гнева выстрелил в него, ранил, по разным источникам, в грудь или в руку. Официально утверждалось, что журналист был ранен в предплечье, пуля прошла навылет (правда, сам Меньшиков впоследствии писал почему-то, что пуля прошла в четырех дюймах от сердца)¹.

Так или иначе, Жеденов попал под суд. В итоге Николай Николаевич был приговорен к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к ссылке в Архангельскую губернию, с воспрещением всякой отлучки из места, назначенного для жительства, в течение одного года и четырех месяцев, с предоставлением ему, по истечении десяти лет, права свободного избрания места жительства в Европейской России, за исключением столиц и столичных губерний. Вместе с этим суд постановил ходатайствовать перед Государем о замене назначенного Жеденову наказания заключением его в тюрьму на один год, без лишения прав².

В 1904 году, за два месяца до своей трагической гибели, министр внутренних дел В. К. Плеве по рекомендации видного правого деятеля А. С. Стишинского назначил Жеденова чиновником особых поручений в Западную Сибирь по устройству хлебохранилищ для выдачи ссуд крестьянам. Позже он перевелся в Уфу к губернатору И. Н. Соколовскому, однако того вскоре ранили революционеры-террористы, заменивший же его Б. Цехановецкий разделял либеральные убеждения. Вследствие этого 20 октября 1905 года Жеденов написал Государю донесение об измене в верности уфимского губернатора и был вынужден уехать из Уфы. Он перевелся в Тамбов, где служил вице-губернатором Николай Евгеньевич Богданович, сын известного покровителя черносотенцев, пла-

---

¹ Степанов А. Д. Жеденов Николай Николаевич // Черная Сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. М., 2008. С. 202.

² Там же. С материалами о суде над Н. Н. Жеденовым можно ознакомиться в сети Интернет. Режим доступа: <http://zt1.narod.ru/vystrel9.htm>.

менного публициста, издателя «кафедры Исаакиевского собора», основателя крупнейшего правомонархического салона Евгения Васильевича Богдановича. Однако Н. Е. Богданович вскоре трагически погиб от рук террориста-убийцы (17 декабря 1905 года он скончался от ран)¹.

Евгений Васильевич знал Жеденова еще тогда, когда последний был земским начальником, и в данной ситуации оказал ему поддержку. В 1905–1907 годах по рекомендации Богдановича Жеденов служил делопроизводителем канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника В. Ф. фон дер Лауница. Однако 21 декабря 1906 года последний также трагически погиб от пули убийцы-революционера. Новым градоначальником стал Д. В. Драчевский. 3 февраля 1907 года Жеденов передал через флигель-адъютанта князя Долгорукова письмо на имя Царя о засилии в градоначальстве поляков и евреев, которые при попустительстве нового градоначальника готовят заговор. А 5 февраля 1907 года Жеденов был принят дворцовым комендантом генерал-адъютантом В. А. Дедюлиным. Реакция Драчевского была незамедлительной. Уже 19 февраля 1907 года Жеденов был уволен со службы. По жалобе на несправедливое увольнение Сенат 30 апреля назначил дознание, которое установило факты растрат, поборов и связей с революционерами. В декабре 1908 года управляющий канцелярией еврей Никифоров, польский еврей Калиш, поляк Галле и еще несколько чиновников были уволены и отданы под суд, а также было сделано представление о предании Драчевского суду, который, впрочем, не состоялся².

В эти же годы Жеденов принимал активное участие в обсуждении вопросов выборного законодательства. Еще 18 июня 1905 г. он послал министру Императорского двора барону В. Б. Фредериксу свою брошюру «Государственная Дума. Будущее законоподготовительное Собрание» с просьбой передать это сочинение Императору. Главная мысль Жеденова

---

¹ Степанов А. Д. Жеденов Николай Николаевич // Черная Сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917... С. 203.

² Там же. С. 203.

заклучалась в том, что при системе прямой, всеобщей, равной и тайной подачи голосов и при многоступенчатых выборах в Государственную думу попадут, в качестве представителей народа, люди, интересующиеся не хозяйством, а политическим руководством в данной местности, не имеющие определенных взглядов на местные нужды, а подчас и определенных занятий. Эти люди не в состоянии будут выражать истинные нужды и дух народа и не приведут к единению Царя с народом. Император Николай II повелел передать брошюру на рассмотрение в Совет министров¹.

Чуть позже, 8 июля 1905 г., Жеденов опубликовал в газете «Уфимские ведомости» статью «Об участии в выборах по национальностям», в которой разделял инородцев на лояльных Российской государственности, таких, которые «чувствовали себя сынами общего Отца Монарха, младшими братьями русской народности и детьми Великой России» (башкиры, татары, калмыки, грузины, чуваша, эстонцы, латыши и немцы), и нелояльных (евреи, финны, поляки, армяне и др.). Участие первых в выборах, считал Жеденов, пойдет «не во вред, но к благу коренной задаче Российской империи – соединению племен Европы и Азии под единым русским знаменем», а участие вторых – сочувствующих революции – должно быть отодвинуто на несколько десятилетий, до проявления их полной покорности русским законам².

После увольнения с государственной службы Жеденов целиком и полностью посвятил свою жизнь общественной работе. Он был членом Русского собрания, и как специалист по крестьянскому вопросу 21 января 1908 года читал в Собрании доклад на тему «Разрушение крестьянской общины – разложение России»³. Кроме того, известно, что он выступал

¹ Государственная Дума (Будущее законоподготовительное собрание). СПб., 1905. См. также: Степанов А. Д. Жеденов Николай Николаевич // Черная Сотня. Историческая энциклопедия... С. 203.

² Цит. по: Степанов А. Д. Жеденов Николай Николаевич // Черная Сотня. Историческая энциклопедия... С. 203.

³ Там же.

в апреле 1907 года в стенах РС с докладом об отношении к революционной печати. По словам Ю. И. Кирьянова, Жеденов «охарактеризовал целую систему мер, энергично используемых революционерами для издания и распространения революционных брошюр, листков, календарей и т.п. Для дискредитации такой деятельности, по мнению выступавшего, необходимо бороться с революционерами тем же оружием: издавать и распространять популярные сочинения, разъясняющие всю злостность и коварство народных смутьянов»¹. Кроме того известно, что 2 декабря 1909 года Жеденов прочитал в РС доклад «Об иоаннитах»².

Жеденов был одним из главных учредителей Союза Русского Народа. Его портрет (под номером 11), наряду с игуменом Арсением (Алексеевым), св. праведным Иоанном Кронштадтским, А. И. Дубровиным, В. А. Грингмутом, В. М. Пуришкевичем, П. Ф. Булацелом и другими монархистами, можно видеть на знаменитой картине «Дни отмщения постигоша нас... покаемся, да не истребит нас Господь», принадлежавшей настоятелю Воскресенского миссионерского монастыря, вдохновителю СРН игумену Арсению (Алексееву), уменьшенная копия которой ныне хранится в Государственном музее истории религии в Санкт-Петербурге.

В 1908 году Жеденов возглавил издательский комитет Союза Русского Народа, начал сотрудничать в крупнейшей черносотенной газете «Русское знамя». В 1909 году стал членом редакционной комиссии «Книги Русской скорби». Примерно тогда же происходит сближение Жеденова с руководителем Союза Русского Народа А. И. Дубровиным. Жеденов становится одним из последовательных его сторонников.

Во время раскола в Союзе Русского Народа Жеденов, как и следовало ожидать, решительно встал на сторону А. И. Дубровина, и его имя в этом контексте мы уже упоминали в связи с рассмотрением деятельности Н. Е. Маркова. 6 августа 1910 года Жеденов опубликовал в «Русском знамени» откры-

¹ Кирьянов Ю. И. Русское собрание 1900–1917. М., 2003. С. 145.

² Отчет по Русскому собранию за 1909 г. СПб., 1910. С. 3–18.

тое письмо Маркову и Пуришкевичу, в котором обвинил их в том, что они утверждают, подобно кадетам, будто депутаты Государственной думы – «народные представители», хотя на самом деле они – только «советчики Государя». В своем «Возражении на ответ г. Маркова» Жеденов указывал, что «в Союзе Русского Народа у значительной части членов появилось сомнение в искренности монархизма г. Маркова. Это сомнение выражается в фактах. Внешние факты заключаются в близости г. Маркова к политическим заговорщикам, собирающимся совершить государственный переворот, в сближении с партиями, организованными этими заговорщиками, а внутренние в особой идее ограничения Самодержавия под знаменем земско-сборности»¹.

Вскоре Жеденов стал делегатом Пятого Всероссийского Съезда Союза Русского Народа в Москве 21 ноября – 1 декабря 1911 года от Василеостровского отдела Союза Русского Народа в Петербурге. На съезде Жеденов был председателем первой секции, которая рассматривала ситуацию внутри Союза. Тогда же он был избран почетным членом этой организации с зачислением в число членов-учредителей и членом Главного Совета Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа.

Жеденов также принял активное участие в конфликте между другим членом Главного Совета Дубровинского Союза Русского Народа приват-доцентом римского права Б. В. Никольским и ярким противником Дубровина Н. Е. Марковым в стенах Русского собрания. За это 12 апреля 1912 года Жеденов был исключен из рядов этой организации вместе с Б. В. Никольским и Н. И. Еремченко². Он также был известен и как активный сторонник трезвеннического движения и лично поддерживал деятельность «братца Иоанна Чурикова», из-за чего у него произошел конфликт с игуменом Арсением по поводу отзыва на книгу Чурикова. Жеденов активно участвовал в работе Нижегородского Всероссийского Совещания уполномо-

¹ Жеденов Н. Н. Возражение на ответ г. Маркова. СПб., 1910. С. 15.

² Кирьянов Ю. И. Русское собрание 1900–1917. М., 2003. С. 58; Правые партии. 1905–1917. Т. 2. С. 98–104; ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1300. Л. 1–2.

ченных монархических организаций и правых деятелей 26–28 ноября 1915 года (так называемое Нижегородское совещание), где выступал с докладом¹.

В 1910-е гг. Жеденов получил известность прежде всего как редактор-издатель крайне правой, черносотенной газеты «Гроза». Первым редактором-издателем и учредителем «Грозы» был Николай Иванович Большаков (Артамонов-Большаков), который был широко известен как редактор-издатель журналов «Кронштадтский маяк», «Свет России» и как автор книг об Иоанне Кронштадтском. В период с 8 ноября 1909 г. (№ 33 «Грозы») по 4 июля 1910 г. (№ 34 «Грозы») выпуск газеты был приостановлен без указания причины санкт-петербургским градоначальником. 2 января 1910 г. Большаков скоропостижно скончался, и новым издателем газеты стал Жеденов.

С его появлением в качестве редактора-издателя «Грозы» стиль издания резко изменился – газета стала более едкой и беспощадной в критике политических противников. Принимая активное участие во внутримонархических распрях, издание Жеденова едко называло В. М. Пуришкевича и его сторонников «маргариновыми монархистами», подчеркивая тем самым разницу между ними и монархистами «истинными», к коим он, несомненно, причислял и себя самого².

В 1912 году Жеденов назвал в «Грозе» В. М. Пуришкевича государственным преступником, заявив, что ему известно о том, что тот в одном приличном доме произнес хулу на Государя. Эту тему начал развивать Н. И. Еремченко (псевдоним Полтавец) в «Русском знамени». Пуришкевич подал в суд, обвинив Жеденова и Еремченко в клевете. В суде Жеденов не смог доказать основательность своих обвинений, и 15 декабря 1912 года суд вынес приговор: Жеденов получил 7 мес. тюрьмы, редактор «Грозы» Н. И. Щеглов, напечатавший

¹ Степанов А. Д. Жеденов Николай Николаевич // Черная Сотня. Историческая энциклопедия... С. 204. О взглядах Н. Н. Жеденова по проблеме пьянства см.: Жеденов Н. Н. Казенная, общественная и частная продажа вина, их экономическое и нравственное значение. СПб., 1896.

² Жеденов Н. Н. Маргариновы монархисты. Предвыборное воззвание «Союза Михаила Архангела». (Критический разбор). СПб., 1912.

материал, был осужден на 2 месяца, а Еремченко угодил в тюрьму на 6 месяцев.

В 1914 г. Жеденов организовал и возглавил «Общество изучения иудейского племени» (устав организации был утвержден 14 августа 1914 г.), и газета стала фактически печатным органом этого Общества, публикуя многочисленные статьи по еврейскому вопросу (разумеется, антисемитского содержания). При Обществе также издавалась специальная серия брошюр под названием «Библиотека Общества изучения иудейского племени». Кроме Жеденова активное участие в деятельности этого Общества принимал известный деятель патриотического движения художник Л. Т. Злотников (печатался под псевдонимом Л. Зло). В октябре 1915 г. Обществом была открыта Русская книжная лавка в Петрограде по адресу: Пушкинская, 16, в которой, согласно рекламе, был представлен огромный выбор книг, журналов, картин и открыток, посвященных критике еврейства.

И в 1916 г., когда редактором газеты был Н. Г. Политов, а издателем – по-прежнему Жеденов, на страницах «Грозы» так же, как и ранее, подробно освещалась деятельность «Общества изучения иудейского племени». К примеру, в номере 4 (756) от 6 января 1916 г. можно прочитать, что Общество на своем заседании постановило: «Ныне всякому ясно, что жидовство – не племя инородческое, но всосавшийся в государственный организм элемент распада государственности и национальности Русской»¹.

С другой стороны, в «Грозе» широко освещалась также деятельность проеврейских организаций и обществ. Так, в № 7 (759) от 10 января 1916 г. находим информацию о работе так называемого Русского общества для изучения еврейской жизни, заседание которого проводилось, в частности, 12 декабря 1915 г. в помещении Русского географического обще-

¹ Деятельность общества «Изучение иудейского племени» // Гроза. 1916. 6 января. № 4 (756). Здание, в котором располагалось это общество, находится по адресу: Петербург (Петроград), 3-я Рождественская (ныне 3-я Советская) улица, дом 16 (сохранился до наших дней). Сведения об этом имеются в сети Интернет. Режим доступа: <http://rdp4v.livejournal.com/1259369.html>.

ства¹. На нем присутствовали: граф И. И. Толстой, академик Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. В. Карташев. С лекцией о целях и задачах общества выступил Максим Горький. Естественно, деятельность подобных организаций подвергалась в «Грозе» ожесточенной и едкой критике.

Однако самое пристальное внимание в «Грозе» все-таки уделялось работе организаций, критиковавших иудаизм и масонство. К примеру, в № 11 (763) от 16 января 1916 г. была опубликована новая статья, посвященная деятельности Общества изучения иудейского племени². Обсуждался очередной доклад, посвященный караимам. Было особо отмечено, что «с 60-х годов XIX века караимы стали сближаться с жидами-талмудистами на почве мистической, причем у караимов появились духовные лица в виде цадигов, а у талмудистов – цадики». Решили: «Признать это наблюдение за постепенным приближением караимов к жидам-талмудистам весьма важным и подтверждающимся гонением на иеромонаха Серапиона в Феодосии со стороны караимов за его обличение жидовской религии в изуверстве»³. Жеденов считался признанным в правой среде знатоком еврейского вопроса. В частности, его перу принадлежит ряд интересных научных и художественных сочинений, посвященных талмудическому иудаизму и еврейству⁴.

После Февральского переворота газета «Гроза» была закрыта (последний номер перед закрытием вышел 26 февраля 1917 года, № 3 (891)), однако издание было возобновлено уже 26 марта 1917 года (№ 4 (892)), но выходило теперь всего раз в неделю. Сам Жеденов вскоре подвергся репрессиям от новой власти. В ночь на 15 июля он был арестован Временным пра-

¹ Деятельность «Русского общества для изучения еврейской жизни» // Гроза. 1916. 10 января. № 7 (759).

² Деятельность общества «Изучение иудейского племени» // Гроза. 1916. 16 января. № 11 (763).

³ Там же.

⁴ Жеденов Н. Н. Еврей, Израиль, иудей, жид (происхождение слова «жид»). СПб., 1914; Он же. Тайна крови. Историческая повесть. СПб., 1914; Он же. Убой скота жидами: Труды Общества изучения иудейского племени / Под ред. Н. Н. Жеденова. СПб., 1914.

вительством и препровожден в Кресты, где оказался вместе с редактором закрытой еще после февраля 1917 года газеты «Земщина» С. К. Глинкой-Янчевским, сотрудником газет «Земщина» и «Вече» художником Л. Т. Злотниковым и тибетским врачом, организатором одного из правомонархических салонов П. А. Бадмаевым. Их обвиняли в существовании тайного общества, якобы группировавшегося вокруг газеты «Гроза»¹. Продержав в заключении 18 дней, всех четверых отпустили за отсутствием состава преступления. Жедену вновь удалось наладить выпуск «Грозы», в которой он остался редактором. И уже 15 августа 1917 года в «Грозе» была напечатана статья под названием «Жидовский подвох», посвященная аресту Жеденова, Злотникова, Глинки-Янчевского и Бадмаева. Как значится в публикации, «жид Николай Стембо обвинил их в монархическом контрреволюционном заговоре, но за отсутствием состава преступления 1 августа они были освобождены»². Вместе с тем события, связанные с июльским политическим кризисом 1917 года, в «Грозе» никак не рассматриваются, что объясняется, скорее всего, нерегулярностью выхода в свет этого издания.

Газета «Гроза» заняла особую, крайне радикальную позицию после выступления Л. Г. Корнилова, характеризующуюся резкой критикой как Временного правительства, так и «корниловщины». В статьях на страницах издания Н. Н. Жеденов, в отличие от других правых, видит своим союзником в борьбе против Временного правительства народные массы; поэтому порою своей риторикой «Гроза» была похожа на большевистскую прессу. В газете говорилось, что продолжать войну – безумие и преступление, ставящее всю Россию на край пропасти; что война ведется ради интересов евреев, инородцев и западных союзников; что русские войска обречены на поражение, после которого все равно будет заключен сепаратный мир, однако уже на позорных условиях. Газета обвиняла Вре-

¹ Подробнее о «заговоре вокруг газеты “Гроза”» см.: Солдатская мысль. 1917. 30 апреля (13 мая); 20 июля (2 августа); Солдатское слово. 1917. 20 июля.

² Жидовский подвох // Гроза. 1917. 15 августа.

менное правительство в том, что оно «напустило голод», что раньше народ питался только «чечевицей с рыбой да хлебом вдосталь», а ныне «не достает у него и хлеба». Хотя забастовки и осуждались как грех, однако особо отмечалось, что рабочий «голоден, бос и оборвался». Газета выступала за решительное наведение порядка в стране, замечая, что главные деятели «великой русской революции» совершенно не способны навести порядок, всякая власть исчезла, общественная безопасность под угрозой. Предпочтительной формой правления для России называлась монархия. Особо отмечалось, что власть Временного правительства ответа перед Богом не несет; к тому же при Царе безбожники православных святынь не трогали, а теперь торжествуют «явное безверие и богохульство, отвержение всяких истинных начал веры». Кроме того, газета много писала о тех проблемах, которые волновали народ¹.

Подобные высказывания, имевшие некоторую внешнюю схожесть с предреволюционной пораженческой большевистской риторикой, часто вызывали подозрения со стороны отдельных публицистов и политиков в связи авторов этих высказываний с немцами и с большевиками. Так, в частности, газета «Южный край» опубликовала на своих страницах статью известного журналиста «Южного края» А. Суражского «Спасатель России Злотников», в которой утверждалось, что близкий к «Грозе» публицист и художник Л. Т. Злотников служит большевикам²: «Злотников избирается членом комиссии по выработке резолюции об отношении к Временному правительству. <...> И это в Гельсингфорсе, <...> в дни “работы” германского флота. <...> Да, Злотников во многом подходит. Он искренно ненавидит Керенского, ибо и Милюкова, и Родзянко, и даже Шульгина он ненавидел и поносил»³. Кроме того, по словам ав-

¹ Стогов Д. И. Гроза врагов русского народа. Черносотенная газета «Гроза» и ее главный редактор Николай Николаевич Жеденов // Режим доступа: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=103983>; http://ruskline.ru/analitika/2005/12/24/groza_vragov_russkogo_naroda/.

² Суражский А. Спасатель России Злотников // Южный край. 1917. 24 октября (6 ноября). № 14295. С. 3.

³ Там же.

тора публикации, Злотников всегда отрицательно относился к Англии и с симпатией – к Германии. «Да, Злотников прекрасно себя чувствует на новом месте», – заявляет А. Суражский¹.

Примечательно, что в своей публикации о Злотникове журналист «Южного края», всегда до 1917 года считавшийся убежденным «правым» (вспомним хотя бы его некролог, посвященный памяти известного консервативного публициста князя В. П. Мещерского²), рассуждает как совершеннейший либерал и демократ, изрыгая потоки грязи на Черную сотню, называя черносотенцев «провокаторами, реакционерами, в лучшем случае – крикливыми шовинистами», а самого Злотникова – «черносотенным циником, потерявшим всякие пределы»³. И в этой связи возникает резонный вопрос: насколько можно доверять свидетельствам такого человека? И поскольку мы не располагаем документальными источниками о прямых фактах сотрудничества Н. Н. Жеденова и Л. Т. Злотникова с большевистской партией, то, как говорится, вопрос остается открытым и требует дополнительных историко-исследовательских изысканий.

В последнем номере газеты, увидевшем свет уже после Октябрьского переворота, 5 ноября 1917 года (№ 916 (28)), в передовой статье, составленной, судя по всему, самим Жеденовым, выразалась, как это ни покажется странным, прямая симпатия к захватившим власть большевикам: «Порядок в Петрограде за 8 дней правления большевиков прекрасный: ни грабежей, ни насилий». Более того, антисемитская «Гроза» заверяла своих читателей, что «большевики имеют врагов в лице жидовского кагала, предателей и изменников из помещиков, генералов, купцов и чиновников», а «в войске против них лишь солдаты, проникшие в комитеты и заразившиеся властью». «В уездах к

¹ Суражский А. Спасатель России Злотников // Южный край. 1917. 24 октября (6 ноября). № 14295. С. 3.

² Суражский А. Кн. В. П. Мещерский. Политический портрет // Южный край. 1914. 12 (25) июля. № 12155. С. 4.

³ Суражский А. Спасатель России Злотников // Южный край. 1917. 24 октября. С. 3.

ним повсюду присоединяются. В Москве противники большевиков – городская дума с купцами, жидами и юнкерами, образовали комитет спасения. <...> Руководители социалистов-меньшевиков, состоящие лазутчиками среди социалистов от кагала, А. Р. Гоц, Ф. И. Дан и др., – подверглись при аресте их за устройство комитета спасения, занявшегося избиемием большевиков, со стороны матросов и солдат побоям...¹. При этом, по утверждению «Грозы», матросы бранились и угрожали меньшевикам: «Вскоре уберем всех жидов»².

Трудно сказать, чем мотивировала редакция газеты такой подход к освещению октябрьских событий – заискиванием перед большевистской властью или искренней верой в вышеизложенное. Однако существовать газете, несмотря на сделанные в адрес новой власти неуклюжие реверансы, оставалось недолго – в ноябре 1917 года «Гроза» окончательно была закрыта большевиками.

До настоящего времени судьба Жеденова после Октябрьского переворота оставалась неизвестной историкам. В 2008 году на форуме православного информационного агентства «Русская линия» под моей статьей «Гроза врагов русского народа», посвященной газете «Гроза», оставил свой комментарий о Жеденове его внук, житель Москвы Игорь Александрович Обух³. Он сообщил, что последние годы жизни Жеденов провел в станице Багаевской. Скончался он в Ростове в 1933 году. В общем, как оказалось, Жеденов после революции поселился на Дону. Так, по крайней мере, указывали в своих автобиографиях родители И. Обуха. О том, что делал такой человек, как Жеденов, в то время на Дону, можно только догадываться. Хотя Жеденов с 1903 года с семьей не жил, но связь с ней он всегда поддерживал. Мать И. А. Обуха, Ольга Николаевна, перепи-

---

¹ Гроза. 1917. 5 ноября. № 916 (28).

² Там же.

³ Стогов Д. И. Гроза врагов русского народа. Черносотенная газета «Гроза» и ее главный редактор Николай Николаевич Жеденов // Режим доступа: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=103983>; http://ruskline.ru/analitika/2005/12/24/groza_vragov_russkogo_naroda/.

сывалась с отцом практически до его смерти (об этом свидетельствует надпись на обороте одной из присланных мне в отсканированном виде фотографий: «Дорогой дочери Оле, зятю Саше и внуку Алеше Обух. От отца и деда. 1930 г. 10 июля. Ст. Багаевская»). Видимо, поддерживала с ним отношения и бабушка И. А. Обух – Жеденова (Лаврова) Пелагея Михайловна, которая скончалась в 1928 году в Воронеже, т.е. сравнительно недалеко от тех мест, где жил Н. Н. Жеденов.

Известно также, что у Жеденова было три сына и две дочери. Кроме того, со слов И. Обуха, еще в 1880-х гг. Николай Николаевич жил в разных местах – в Цивильске, Казани, Пензе и в других населенных пунктах. Младший сын Жеденова, Станислав Николаевич, родился в Польше. Еще один сын, Владимир Николаевич, родился в 1908 году в одном из пригородов Петербурга. Он был известным ученым¹. Вот и все скудные сведения, которые удалось получить о Н. Н. Жеденове от И. Обуха. Также И. А. Обуха предоставил мне две фотографии Н. Н. Жеденова в пожилом возрасте, которые в настоящее время опубликованы в сети Интернет.

Так или иначе, главная память о выдающемся черносоценце остается прежде всего в его литературно-публицистических произведениях. К сожалению, после 1917 года ничего из его наследия пока что переиздано не было. Надеемся, что в скором времени этот пробел будет восполнен и хотя бы некоторые труды Н. Н. Жеденова будут опубликованы и найдут своего читателя.

---

¹ Подробнее о В. Н. Жеденове см. в сети Интернет. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%96%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2>.

ГЛАВА 9
ПАТРИОТ ЗЕМЛИ РУССКОЙ.
БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ НИКОЛЬСКИЙ
(1870–1919)

Имя видного правового деятеля Бориса Владимировича Никольского в течение многих десятилетий было незаслуженно забыто и сегодня, за исключением узкого круга специалистов, почти никому не известно. Яркий представитель научной интеллигенции конца XIX – начала XX веков, крупный специалист по римскому праву и русской литературе, поэт и литературный критик, он, в отличие от большинства своих коллег, придерживался правомонархических, черносотенных убеждений, которые непреклонно отстаивал. Его жизнь и мученическая кончина – яркий пример глубокого, искреннего патриотизма, твердости и самопожертвования во имя идеалов Православия и самодержавной монархии.

Борис Владимирович Никольский (1870–1919) родился 3 октября (по старому стилю) 1870 г. Его отец, Владимир Васильевич Никольский, – сын священника, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, профессор русской словесности, пушкинист. Преподавал в Александровском лицее и в других учебных заведениях, написал ряд работ по истории русской литературы¹. Мать Бориса Владимировича,

¹ См. работы В. В. Никольского, в частности, «Идеалы Пушкина» (актовая речь с приложением статей того же автора). Изд. 4-е. СПб., 1899. Также см.: Дневник Б. В. Никольского за 1905–1907 гг. Публ. Д. Заславского // Красный архив. Т. 63. 1934. С. 94.